

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. С. ЧИТАЯ*

ПРИНЦИПЫ И МЕТОД ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В советской этнографической литературе до сих пор не уделялось должного внимания принципам и методу полевой этнографической работы.

Известно, что нет науки без фактов. Этнография черпает факты главным образом в живом быту. Чем больше добыто достоверных и полноценных фактов, тем легче их понять и обобщить, установить закономерности явлений в свете марксистско-ленинского учения об обществе.

Первым важным моментом в этом сложном научно-исследовательском процессе является установление объективности и достоверности фиксируемых фактов и явлений.

Этнография, в отличие, например, от археологии, фиксирует конкретные материалы путем непосредственного наблюдения живой действительности. Эта особенность этнографической науки отличает ее от других исторических дисциплин.

Можно с уверенностью сказать, что без планомерного и систематического изучения и выявления самобытных черт и особенностей народной культуры и быта нельзя более или менее полно воссоздать историю любого народа, историю производителей материальных благ, историю народных масс. Пожалуй, ни одна из исторических дисциплин не стоит так близко к непосредственным производителям материальных благ, как этнография.

Живая этнографическая действительность — это прежде всего эмпирические знания, трудовой опыт, производственные навыки трудящихся, их быт и культура. Эти черты народного быта и культуры своими корнями уходят в глубокую древность. Не все эмпирические народные знания уничтожаются вместе с ликвидацией породивших их условий; некоторые из них, совершенствуясь, продолжают существовать в быту народа.

Богатство народных эмпирических знаний общеизвестно. Приведу лишь для наглядности пару примеров.

На Кавказе, у некоторых его коренных народов, существовала следующая практика: когда на пашне чрезмерно размножались сорняки, крестьяне высевали здесь просо. Так как просо поспевает быстро, его можно было высевать поздней весной. На полях к этому сроку обычно уже показывались сорные травы. Распахивая поля именно в это время, плуг выворачивал корни сорняков и тем самым способствовал их уничтожению. Оставшиеся сорняки выдергивались во время прополки проса. Обычно на таких пашнях просо давало хороший урожай. Мало того, в некоторых

* Доклад на этнографическом совещании в Ленинграде в мае 1956 г.

случаях крестьяне умело использовали отдельные виды сорняков. Так, семена сорняка «махобела» (*Cephalaria syriaca* L.) в небольшом количестве примешивали к зерну, и это придавало хлебу приятный вкус и увеличивало клейкость теста. Последнее обстоятельство имело важное значение для выпечки хлеба в кавказских торнях — больших глиняных цилиндрических сосудах для выпечки хлеба; недостаточно клейкое хлебное тесто слабо держалось на стенках торни, легко падало вниз и давало брак. Вообще характерно, что торня на Кавказе сопутствовала тем видам хлебных злаков, которые отличаются большой клейкостью. В высокогорных районах, где хлеба благодаря вертикальной зональности недозревают и потому малоклейки, торни отсутствовали¹.

Еще один пример. В тех случаях, когда в грузинских селах не было семян «саанеуло пури» (другое название «долис пури» — *Tt. vulgare*), крестьянин брал семена весеннего хлеба (так называемая «дика» — *Tt.ibericum*) и высевал их осенью. Большая часть этого посева погибала, но часть выдерживала зимние холода и весной колосилась. Собранный озимую «дику» крестьянин использовал как семена «саанеуло» и осенью вновь их высевал. Вторично посеянная «дика» легко выдерживала зимние холода; убранные колосья были уже «саанеуло пури», а не «дика».

«Дика» в Грузии является древнейшим видом хлебных злаков. В горных районах Грузии она и донные бытует в качестве ярового, представленного многими разновидностями злака. Не меньшей давности и «долис пури», широко распространенный в равнинной Грузии в качестве озимого, тоже имеющего много разновидностей злака. Неудивительно поэтому, что грузинские крестьяне на основе вековых наблюдений над этими злаками выработали ряд эффективных практических навыков и приемов. Заметим попутно, что в районах распространения «дика» для обработки почвы используется легкий плуг («ачача гутани»); а на равнинах — в районах распространения «долис пури» — тяжелый плуг («саанеуло гутани»). Этот последний к тому же был связан со своеобразными формами организации труда («модгами», «мондави», «улами», «амбази»), а также с наличием компактного поселения.

Но как достигаются народные эмпирические знания? Непосредственные производители в процессе использования окружающей среды и приспособления к ней должны были использовать законы природы, действовать в соответствии с ними. Это было возможно потому, что ощущения людей давали им в общем правильное представление об окружающем. В. И. Ленин указывал, что «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней»².

Однако одни непосредственные ощущения не могли бы открывать законы природы. Эту задачу решает практика и основанная на практике наука. Человек первобытной эпохи, когда он путем трения двух кусков дерева добывал огонь, не имел даже приблизительного представления о превращении одного вида энергии в другой; этот закон природы был открыт и обоснован на практике и в теоретической деятельности человека³.

За долгие века человеческой истории созданы многочисленные культурные ценности. Человек стал их создавать и сделался носителем того или иного комплекса культуры еще с того времени, как он стал человеком. Поэтому утверждения реакционных этнографов о существовании бескультурных народов совершенно неправильны. По существу они вытекают из расистской установки, согласно которой имеются активные, творческие

¹ Г. Читая, Грузинская торня (на груз. яз., резюме на русск. яз.), «Материалы по этнографии Грузии», т. VI, Тбилиси, 1953.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 166.

³ Г. Читая, Вопросы общей этнографии. Понятие «культура» (на груз. яз.), «Материалы по этнографии Грузии», т. VII, Тбилиси, 1954.

расы и народы и пассивные, нетворческие, т. е. такие, которые ничего не создавали и не могут создать. Эта точка зрения «обосновывает» расовую дискриминацию, является «философской» опорой колониального угнетения и порождает разнь между народами. В этом одинаково повинны и немецкая культурно-историческая школа (В. Шмидт, В. Копперс), и французская социологическая (Дюркгейм), и американские психологические школы с их моделями и матрицами, и школа английского функционализма (Малиновский). Советской этнографии подобное мировоззрение совершенно чуждо, и она решительно его отвергает.

* * *

Из сказанного должно быть ясно, что полевая работа этнографа имеет важное значение. Эта работа должна иметь принципиальную установку и правильный метод.

Полевая этнографическая работа не есть простое коллекционирование этнографических фактов и явлений. Она представляет собой научно-исследовательскую работу, проводимую в весьма сложных условиях. Сложность эта усугубляется еще и тем, что предмет полевого этнографа является исследование в определенном аспекте живого человека, его материальной и духовной культуры. Собирая научные факты, этнограф должен фиксировать их объективно, в подлинном виде и всесторонне.

В условиях полевой работы исследователь имеет возможность зафиксировать и изучить производственный опыт и трудовые навыки непосредственных производителей, изучить противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего, и нового, развивающегося. Но он при этом должен учесть и то обстоятельство, что этнографическая действительность — чрезвычайно сложное культурно-историческое, в частности культурно-этническое явление, некоторые элементы которого легко доступны для фиксации, тогда как другие едва заметны и трудноуловимы. Это значит, что метод полевой работы, помимо того, что он должен обеспечить достоверность фиксируемых фактов, должен быть и таким, чтобы этнографические факты, большие и малые, не оставались вне поля зрения этнографа.

Но это не все. Правильным можно считать лишь такой метод фиксации фактов, который дает возможность перейти от более или менее субъективно-количественного к объективно-качественному описанию этих явлений. Кроме того, недостаточно фиксировать явления в их статическом состоянии, а нужно рассматривать их в движении, развитии, диалектике, историческом разрезе. Последовательный историзм, характерный для советской школы в этнографии, должен широко применяться и в полевой этнографической работе. Исследуя культуру любого народа в ее этнической специфике, советский этнограф «вскрывает в ней напластования различных периодов исторического развития народа, читая в ней отображение всей сложности его прошлых исторических судеб»⁴.

Далее. Этнографические явления и факты нельзя изучать изолированно, вне связи с окружающими явлениями. Известно, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде.

Наконец, в этнографической полевой работе требуется, чтобы описание не было поверхностным, фрагментарным, а отображало предмет и явления полностью, чтобы описание касалось не только его внешних сторон, но и внутреннего содержания.

Эти требования, предъявляемые к полевой этнографической работе,

⁴ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4 стр. 15.

вытекают из общих принципиальных установок советской этнографии, из марксистско-ленинской методологии. Все эти требования выполнимы лишь при комплексном изучении явлений, когда, с одной стороны, изучаются связанные между собой базисные и надстроечные явления, а с другой — когда каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике, функции и т. д. При этом текстуальный материал нужно собирать по первоисточникам, а вещественный — по оригиналам.

С точки зрения этого метода полевой этнографической работы глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его широта. Важнее углубленное изучение тесного района, чем разъездное изучение широкой территории, как, например, округов, областей. Перекрестное получение материала и хорошо составленная на месте «биография», например, одного пахотного орудия дает больше, чем поверхностное описание десятка этих орудий. При этом работу нужно интенсивно проводить по таким отдельным мелким и крупным единицам, как семья, фамилия и так далее⁵.

Так, описание по этому методу рачинского пахотного орудия дало следующие результаты. По своей конструкции оно относится к грядильным пахотным орудиям, представляя собой вместе с тем высшую дериватную форму этого типа. По конструкции подошвы и по ее назначению оно является уникальным пахотным орудием, не имеющим аналогов в других пахотных орудиях. Рачинское пахотное орудие, несмотря на свою конструктивную примитивность, способно выворачивать дерн. В техническом отношении оно весьма совершенно. Бросаются в глаза тщательная отделка и слаженность как отдельных частей, так и всего орудия. Видно, что население обладает глубоким эмпирическим знанием пахотных орудий вплоть до их отдельных деталей; имеется богатая и разнообразная терминология, относящаяся к отдельным частям орудия. В народных песнях отразилась любовь крестьян к орудиям пахоты; нередко последние, так же как и их отдельные части, изображаются живыми существами. Для выделки рачинского пахотного орудия употребляется ряд особых инструментов, как-то: сечка (инструмент, употребляемый также во время подсеки), «желечо» и «пехечо» — дексели, тесла и др. Вполне законченным по форме и симметричным является выделяемый из местной руды железный лемех рачинского пахотного орудия, восходящий к средневековым (XI в.) западногрузинским лемехам.

Рачинское пахотное орудие, приспособленное к горному земледелию, употребляется преимущественно на подзолистых почвах, где ему сопутствуют определенные хлебные злаки («хулуго», «пури», «кери» и др.). Из них некоторые связываются с местным очагом одомашнения хлебных злаков. Этому же пахотному орудию сопутствует в некоторых случаях оригинальный жатвенный деревянный инструмент «шнакви», которым «отламываются» колосья злаков «маха» и «зандури». А так как рачинскому пахотному орудию сопутствуют такие хлебные злаки, которые, как выяснено, обладают значительной клейкостью, в зоне распространения данного пахотного орудия мы находим и печь-торню.

К числу других явлений, сопутствующих рачинскому пахотному орудю, относятся своеобразная коллективная форма труда (супруга) — объединение рабочих рук, животных и инвентаря для пахоты, и пережитки культа быка, отражающие приручение быка после борьбы с ним, аналогичной той борьбе, которую ведут известные шумерские герои Гильга-

⁵ Г. Читая, Грузинская этнология (на груз. яз.), «Мимомхилвели», I, Тбилиси, 1926; его же, Отчет Картлийской этнографической экспедиции (на груз. яз.), «Мимомхилвели», II, Тбилиси, 1950; его же, Грузинская советская этнография, «Сов. этнография», 1948, № 3; его же, Этнографические исследования в ГрузССР, «Сов. этнография», 1948, № 4.

меш и Енкиду с диким быком. Богато представлен этот культ в новогоднем празднике. В народной поэзии бык рисуется основателем цивилизации, в частности земледелия. Особенно интересно то, что герои-великаны в народных сказках представлены как плугари, проглатывающие большие глыбы земли. В одной из легенд рассказывается, что когда звери состязались, кому из них служить человеку, олень, не рассчитав своих сил, помчался по небосводу, опередив быка, однако скоро обессилел, упал с неба и погиб. Бык же спокойным размеренным шагом дошел до конца небосвода, одержал победу и приступил к выполнению своей «священной обязанности» — служить трудовому крестьянству. Согласно легенде, это состязание оставило на небе следы в виде млечного пути («Ирмис нахтоми») и Большой медведицы («Гутнеули»).

В общем комплексе материалов не менее интересными выглядят предания о происхождении пахотного орудия. Некоторые предания говорят, что первое пахотное орудие было целиком железным (согласно греческой легенде, у царя колхов пахотное орудие было стальным), а изобрели его для народа божество Солан, Христос.

Совершенно другую картину дает изучение тяжелого пахотного орудия — «диди гутани». По своей конструкции это пахотное орудие передковое, представленное несколькими разновидностями. Вес только одних железных частей его достигает 20 килограммов. По технике изготовления выделяется виртуозной выделки короткий, изогнутый посередине грядиль. Такая форма грядиля увеличивает габарит между грядилем и полозом, с одной стороны, а с другой — позволяет равномерно распределять тяговую силу пахотного орудия по грядилю. Пахотное орудие «диди гутани» предназначено для глубокой вспашки: оно проводило борозду 25—30 см ширины и 50—60 см глубины. Благодаря своему овальному крылу оно отворачивало дерн в сторону. В пахотное орудие этого вида (именуемое из-за своей величины «богатырским») в конце XIX — начале XX в. впрягали 8—9 пар быков и буйволов, а в более отдаленные времена — 12—14 пар быков и буйволов.

По словам крестьян, глубокая вспашка плугом «диди гутани», изменяя структуру почвы, способствует ее плодородию и вместе с тем позволяет дольше сохранить почвенную влагу, но тяжелый плуг «диди гутани» требует сложного «хозяйства». Для выделки упряжи для четырех пар волов требуются шкуры трех быков или двух буйволов. Нужно большое количество шкворней, ярем и пр., а также рабочей силы (плугарь, два дневных сторожа, два ночных сторожа, три погонщика и так далее).

Пахотному орудью этого вида также сопутствуют определенные хлебные злаки: «долис-пури», «тавтухи» и др., торня для выпечки хлеба, турбинная мельница («долабис цисквили»), поселения крупного масштаба (2000—3000 дымов в деревне), супряга, дарбазный тип дома, «большая арба».

Приведенные примеры показывают плодотворность комплексно-интенсивного метода полевой работы. Этнограф, вооруженный этим методом, может собрать богатый материал, который явится ценным объектом для дальнейшей научно-исследовательской работы, для постановки и решения принципиальных, узловых проблем этнографии.

Голое собирание фактов не только недостаточно, но и обыкновенно эти факты ничего не дают, если они исследователем не рассматриваются в самый момент собирания, как сопряженные явления, как памятники истории данного народа, отражающие динамику жизни.

Кроме принципиальных сторон, метод полевой этнографии имеет свои организационно-технические приемы. К ним относятся в первую очередь: длительное пребывание «в поле», стационарная работа, учет цикличности трудовых процессов и культурных комплексов («этнографический год»), знание языка изучаемого народа, фотокиносъемка, магнитофонная за-

пись, аэрофотосъемка, вопросники для собирания этнографических материалов⁶ и другие.

Охарактеризованный метод полевой работы одинаково применим как к старым, так и к новым быту и культуре. Ведь в понятие национальной по форме культуры современности входят не только духовная жизнь и психический склад данного народа, но и самобытные черты его материальной культуры, его трудовые навыки, его производственный быт.

Необходимо отметить, что вопрос о принципиальных установках в методе полевой этнографической работы подчас подменяется такими вопросами, как сроки полевой работы, личные качества этнографа, или вопросами о формах исследования, технике записи материалов и т. д. Мне кажется правильной мысль, высказанная на страницах журнала «Советская этнография» в связи с дискуссией об изучении колхозного быта, что для этнографического изучения современного быта нужны правильное и последовательное применение уже проверенного на практике комплексно-интенсивного метода и фиксация внимания в первую очередь на узловых элементах культуры и быта, носящих яркий отпечаток этнической и национальной специфики и играющих активную, положительную роль в процессе социалистического преобразования⁷. Не касаясь здесь методов полевой работы зарубежных буржуазных этнографов, укажем лишь на то, что, по мнению Диттмера, спор, который ведется и по сей день между представителями различных школ, надо признать беспредметным, ибо полевая этнография должна иметь столько методов, сколько аспектов имеет она сама. Наша точка зрения в этом вопросе, как мы видели, диаметрально противоположна.

Подведем итоги.

1. Специфическая особенность этнографии — черпать научно-исследовательские материалы в живом быту, путем непосредственного наблюдения — требует отточенного метода полевой работы. Чем больше таких материалов, достоверных, полноценных, исчерпывающих и всесторонних, тем легче их понять, осмыслить и обобщить в свете марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития.

2. Этнографическая действительность, живой быт любого этнического образования представляет собой сложное, подчас многократно перекрещенное, противоречивое сочетание борющихся друг с другом элементов и культурно-исторических явлений старого, отживающего и нового, прогрессирующего. При этом любое явление живого быта может быть понято лишь в неразрывной связи с окружающими его явлениями в его обусловленности окружающими явлениями. Кроме того, факты и явления живого быта должны рассматриваться в их движении, развитии, в историческом разрезе.

3. В полевой этнографической работе эти требования выполнимы лишь при комплексном изучении явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются сопряженные, базисные и надстроечные явления, а с другой — когда предмет описывается как «сумма человеческого труда», т. е. по материалу, технике и функции. Вместе с тем, правильным можно считать лишь такой метод фиксации этнографических явлений, когда обеспечивается возможность перехода от более или менее субъективно-количественных к объективно-качественным характеристикам.

4. Глубина этнографического наблюдения важнее, чем широта. Важнее глубокое изучение одного тесного района, чем разъездное по многим районам и округам. Перекрестное получение материала и хорошо состав-

⁶ С точки зрения изложенных выше принципов полевой работы, существующие вопросники (в том числе и «Notes and Queries on Anthropology», Part II, Ethnography, 6. Edition, London, 1947) нельзя признать удовлетворительными.

⁷ А. И. Робакидзе, Некоторые вопросы этнографического изучения нового быта, «Сов. этнография», 1952, № 3.

ленная на месте «биография» одного конкретного предмета дает больше, чем поверхностное описание десятка этих предметов. При этом текстуальный материал нужно собирать по первоисточникам, вещественный — по оригиналам, а работу следует проводить по отдельным мелким и крупным единицам: околодок, квартал, село, ущелье и так далее.

5. Изучение культурных комплексов трудовых процессов невозможно без длительного, стационарного пребывания в «поле», без учета цикличности изучаемых процессов («этнографический год»), без знания языка изучаемого народа. Такая постановка полевой этнографической работы открывает широкие возможности для постановки и решения проблем общетеоретического значения. Проводимая в этом плане полевая этнографическая работа вытекает из общих принципиальных установок советской этнографии.
